

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ПРИ СЛИЯНИИ ВУЗОВ¹

ВОЛЬЧИК ВЯЧЕСЛАВ ВИТАЛЬЕВИЧ,

*доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: volchik@sfedu.ru;*

МАСКАЕВ АРТЁМ ИЛЬИЧ,

*аспирант, младший научный сотрудник,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: maskaev@sfedu.ru;*

САВКО ПАВЕЛ ОЛЕГОВИЧ,

*аспирант, младший научный сотрудник,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
e-mail: savko@sfedu.ru*

Реформы в сфере высшего образования являются ответом на вызовы времени: развитие технологий, оптимизацию государственных расходов, массовизацию и коммерциализацию университетского образования. В основе проводимых реформ лежат идеи неоллиберализма, которые получили практическое отражение в методах регулирования в рамках нового менеджмента в сфере общественного сектора. Институциональные и организационные изменения в сфере образования исследуются в рамках неонституционализма и оригинальной институциональной экономической теории. Данная работа больше опирается на подходы оригинального институционализма, что выражается в особом внимании к институциональному контексту реформ: действующим правилам, социальным ценностям, корпоративной культуре, а также организационным особенностям преобразований. За последние несколько десятилетий система высшего образования во многих западных странах была и остается предметом реформ. Изменения затрагивают не только соотношение государственных и частных расходов на высшее образование и форм финансирования университетов, но и вопросы о границах академических свобод, ценности высшего образования и его роли в современном обществе. Российское высшее образование движется в одном направлении с общемировыми трендами: встраивание в глобальный рынок образовательных услуг и переосмысление роли университета как бизнес-организации. Возникает парадокс: функционирование университета в рамках концепции нового менеджмента в сфере общественного сектора подразумевает работу в рыночных или квазирыночных условиях, что должно сопровождаться децентрализацией управленческих иерархий и увеличением автономии вузов, в то же время отмечается сокращение академических свобод и ужесточение контроля за деятельностью университета через систему целевых показателей.

Ключевые слова: образовательные реформы, сфера образования и науки, организационные изменения, институциональные изменения, слияние вузов.

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Минобрнауки России № 26.6124.2017/8.9 «Идентификация институтов и организационных механизмов слияния вузов в контексте социально-экономического развития региона».

THE MERGING OF THE HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS: INSTITUTIONAL AND ORGANIZATIONAL CHANGE

VYACHESLAV V. VOLCHIK,

*Professor, Department "Economic Theory",
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: volchik@sfedu.ru;*

ARTYOM I. MASKAEV,

*Junior researcher,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: maskaev@sfedu.ru;*

PAVEL O. SAVKO,

*Junior researcher,
Southern Federal University, Rostov-on-Don,
e-mail: savko@sfedu.ru*

Higher education reforms in Russia had been initiated in response to the challenge of time, such as new technologies development, optimization of government expenditures, commercialization of higher education and its "mass" character. Currently implemented reforms rely upon the ideas of neo-liberal thinking, which is operationalized in the methods of regulation within the New Public Management approach. Institutional and organizational change in the higher education are the subject of research in Neo-institutional economics and Original Institutional economics. This paper deals primarily with the Original Institutional approach, with its focus on the institutional context of reforms: embedded working rules and social values, corporate culture and organizational specificities. For the recent decades, many Western countries have implemented, and are implementing nowadays, higher education reforms. Related change not only affects proportions of public and private expenditures on higher education, universities' funding sources, but issues of academic freedom, social value of higher education and its role in the modern society as well. In terms of direction, higher education in Russia is convergent with the world-wide trends: integration into the global market of educational services and rethinking the role of the university as a business organization. However the paradox occurs that performance of the university under the ideas of New Public Management implies market or quasi-market environment. This environment should be much about decentralization of administrative hierarchies and growing autonomy of the universities. But in reality these processes are much about reduced academic freedom and tightened control over the universities' performance through a system of the objectives and targets.

Keywords: *higher education reforms; science and education; organizational change; institutional change; merger of higher education institutions.*

JEL: *B52, I21, I28.*

1. Постановка проблемы

За последние 50 лет высшее образование претерпело значительную трансформацию во всем мире. Данная тенденция обусловлена вызовами времени и существенными технологическими и институциональными изменениями, которые послужили толчком для значительного увеличения количества студентов и университетов во всем мире. Однако в каждой отдельно взятой стране эти процессы связаны со специфическими историческими, институциональными и организационными особенностями развития и функционирования университетов и всей сферы образования и науки.

Реформирование сферы образования во всем мире имеет общие особенности, которые характерны, в частности, для российской сферы образования: использование неолиберальных схем и риторики при разработке реформ; внедрение механизмов управления, основанных на принципах нового менеджмента в общественном секторе (New Public Management), слияния организаций высшего образования, интернационализация образования, политика, направленная на оптимизацию государственных расходов и привлечение частных средств; ориентация на глобальные рейтинги при оценке результативности университетов и национальной системы высшего образования, формирование новых институтов, осуществляющих экспертные функции.

В рамках настоящей работы мы последовательно рассматриваем, как мировой опыт проведения реформ в сфере образования соотносится (имплементируется) с практикой российских преобразований и, в частности, какие институциональные и организационные механизмы возникают и функционируют в процессе объединения вузов.

2. Теоретическая рамка исследования институциональных и организационных изменений

В рамках современной экономической теории проблема институциональных и организационных изменений наиболее широко исследуется в рамках Новой институциональной экономической теории (NIE) а также в рамках оригинального институционализма (OIE). И хотя подходы к природе институтов и организаций в данных научных направлениях различаются (*Hodgson, 2006*), важно, что в обоих подходах акцентируется необходимость исследования организационных изменений в контексте конкретной институциональной структуры, корпоративной культуры, правового регулирования, форм управления контрактными отношениями и т.д.

Символично, что основное объединение неоинституционалистов «Международное общество новой институциональной экономики» («International Society for New Institutional Economics») в 2016 г. сменило название на «Общество институциональной и организационной экономики» («Society of Institutional and Organizational Economics»). Изменение название характеризует расширение исследовательской повестки неоинституционализма. Это прежде всего относится к исследованиям, выходящим за рамки индивидуальных взаимодействий в частном секторе. Более широкий взгляд на актуальные вопросы институциональной и организационной экономики позволит лучше использовать преимущества междисциплинарных подходов в направлениях исследований, включающих государственные органы, общественный сектор и международные организации (*Richter, 2016*).

Традиционный транзакционный анализ, который обычно применяется для объяснения поведения фирм, не совсем подходит в плане исследований реорганизации и объединения вузов. Формирование новых иерархических структур как способа экономии на транзакционных издержках (*Коуз, 2007*) ставит перед исследователями вопросы поиска оптимальных контрактов (институциональных соглашений) в контексте альтернативных форм экономической координации (governance): рынка, гибрида и иерархии, а также государственных организаций (public bureau) (*Williamson, 2005*).

Однако сфера высшего образования является не просто совокупностью организаций, производящих общественные, смешанные и частные образовательные блага, поэтому при проведении исследований необходимо принимать во внимание специфические институты и социальные ценности, которые во многом определяют специфику ее развития. В этом контексте для исследования институциональных и организационных изменений более релевантным является подход оригинального институционализма, учитывающий влияние социальных ценностей, политики и идеологии (*Elsner, 2012*). Изменения в сфере высшего образования в рамках данной работы рассматриваются в широком контексте трансформации институциональной структуры (*Вольчик и Кривошеева-Медянцева, 2015*).

Организационные изменения хоть и целенаправленно планируются, но не могут рассматриваться исключительно через призму соответствия планируемым и достигнутым показателям. В ходе организационных изменений возникают эффекты, связанные с адаптацией агентов, что характерно для сложных систем, а организационные изменения необходимо рассматривать с учетом проблемы сложности (*Valentinov, 2015*).

Необходимо отметить, что избыточная коммерциализация деятельности университетов, например, в рамках концепции предпринимательского университета (*Clark, 1998*), может приводить к негативным последствиям, когда стремление к дополнительным доходам (в рамках денежной культуры) будет препятствовать реализации и репликации инструментарных ценностей, которые присущи высшему образованию (*Valentinov, 2011*). Коммерциализация знаний в контексте формирования предпринимательских университетов сильно зависит от институциональной структуры, которая формирует ограничения и стимулы, и от конкретных внутренних особенностей каждой организации: «... прежде чем рассуждать о капитализации знания, мы должны принять во внимание микроструктуру мотиваций, норм, потенциала и ресурсов конкретного ученого, участвующего в «производстве инноваций», рассмотреть, например, проблемы сложности и комплексного характера информации, которой владеет ученый, когнитивный горизонт и этические нормы, принятые в данном сообществе исследователей» (*Головка и Дегтярева, 2014, с. 51*).

В рамках оригинального институционализма процессы изменений рассматриваются через призму формирования новых действующих норм (*working rules*), которые играют ключевую роль для объяснения экономических взаимодействий при осуществлении трех видов трансакций: торга, управления и нормирования (рационализации) (*Коммонс, 2012*). Согласно Дж. Коммонсу, «характеристикой всех действующих норм является то, что они действительно регулируют те аспекты человеческого поведения, которые могут получать имена прав и свобод. Действующие нормы (правила) просто сообщают, что индивиды должны или не должны делать, что им позволено делать, а также что они могут или не могут делать, если властные органы, разрешающие споры, употребляют коллективную власть сообщества в отношении указанных индивидов» (*Коммонс, 2011, с. 156*). В условиях реформирования сферы образования институциональные инновации также могут рассматриваться как действующие нормы, например, эффективные контракты и рейтинги.

Ориентация на достижение цели повышения эффективности организаций высшего образования на практике выливается в требование выполнения целевых показателей развития, определяемых дискреционным образом чаще всего без широкого обсуждения в научном и образовательном сообществе. Формализация и меняющиеся ключевые показатели развития неизбежно формируют сильные экономические стимулы, которые изменяют устоявшиеся поведенческие паттерны, что может не всегда приводить к удовлетворительным результатам: «...услуги образования – это доверительные блага, производство которых с точки зрения эффективности и качества целесообразно организовывать так, чтобы сильные экономические стимулы не исказили поведения

производителей этих услуг, не генерировали работу на показатель» (Тамбовцев, 2015b, с. 67).

Погоня за эффективными результатами предполагает организационные изменения, а также изменения внутренних правил, рутин и поведенческих паттернов. При этом надо учитывать, что некоторые результаты могут быть побочными следствиями, прямо не связанными с проводимыми реформами (Хедлунд, 2016). Очень важным моментом здесь также является фактор институциональной инерции, который присущ сфере образования (Вольчик, 2012).

Формирование рынка образовательных услуг не означает, что университеты как организации должны трансформироваться в аналог предприятий, ориентированных на прибыль. Долгосрочные последствия институциональных реформ зависят от формирования институциональной структуры, которая будет способствовать снижению средних транзакционных издержек и увеличению количества транзакций, однако необходимо учитывать специфический характер транзакций в сфере образования.

Занятость педагогических и научных работников связана со специфическими инвестициями в человеческий капитал. Важными особенностями мотивации преподавателей к труду являются потребности творческой самореализации и научного поиска. Именно на неформальных институтах основываются механизмы самоорганизации внутри образовательных организаций и научного сообщества. Высокая стоимость специфических инвестиций в свой человеческий капитал для преподавателей также связана с негибкостью рынка труда профессуры. Неслучайно в мировой практике существует институт пожизненного найма для профессоров (*tenure*) (Макферсон и Шапиро, 2011). Институт пожизненного найма в российских условиях пока не прижился, хотя существуют отдельные примеры заключения таких контрактов, но их можно рассматривать как исключения из общего правила прекариатизации профессорско-преподавательского состава. Однако необходимо заметить, что процесс превращения преподавателей в прекариат характерен не только для современной российской сферы образования: примеры прекариатизации можно найти в системах науки и образования многих стран (Стэндинг, 2014; Реасок, 2016).

3. Мировой опыт реформирования в сфере высшего образования: основные концепты, меры регулирования и институты

Продолжающийся на протяжении 25 лет процесс реформирования системы высшего образования в России тесно связан с изменениями происходящими за рубежом. За последние несколько десятилетий система высшего образования во многих западных странах была предметом реформ (Loomis and Rodriguez, 2009; Tahar and Boutellier, 2013; Holmberg and Hallonsten, 2015). Изменения происходящие в России представляют собой отражение мировых тенденций, но с определенной национальной спецификой, на которой мы остановимся подробнее в следующем разделе.

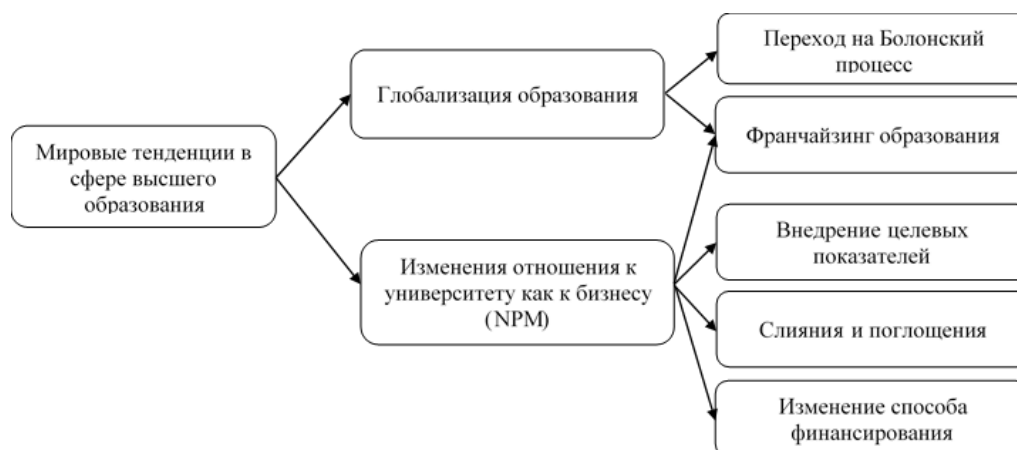
Можно выделить следующие основные мировые тенденции:

- 1) Переход на Болонский процесс;
- 2) Глобализация образования;
- 3) «Франчайзинг» образования;
- 4) Введение принципа целевых показателей;
- 5) Слияние и поглощение;
- 6) Изменение способа финансирования.

Франчайзинг, введение принципа целевых показателей, слияния и поглощения, изменение способа финансирования можно объединить в более масштабную тенденцию, в основе которой лежит изменение отношения к университету как к организации из сферы бизнеса, что влечет за собой изменение управленческих практик. Происходящие изменения описываются концепцией *нового менеджмента в сфере общественного*

сектора (*New public management – NPM*), разработанной в 80-е гг. XX в. (*Tahar and Boutellier, 2013*). Провозглашаемой целью NPM было сокращение государственных расходов, снижение издержек управления и создание альтернативной, квази-рыночной формы экономической координации (*Hood, 1991*). Переход на Болонский процесс лишь частный случай общего процесса глобализации, в том числе и в образовании.

Глобализация совместно с современными технологиями произвели революцию в организации рабочего процесса, производстве благ и услуг. Не осталось сообществ и сфер деятельности не затронутых глобализацией. Формирования глобального общего рынка и устранение барьеров на передвижение между странами не могло не оказать воздействия на высшее образование. Начиная с 80-х гг. XX в. наблюдается изменение масштаба высшего образования почти во всех развитых странах. Увеличивающаяся мобильность студентов, закрепление роли английского языка в качестве *lingua franca* привели к усилению ориентации на глобальный образовательный рынок в попытках привлечения иностранных студентов. Данные изменения происходят наряду с одновременным внедрением схожих организационных и финансовых инструментов, расходящихся с национальными традициями, а в некоторых случаях обозначивших и отказ от них.

Рис. 1. Мировые тенденции в сфере высшего образования

Источник: составлено авторами на основе анализа научной литературы

Высшее образование по всему миру движется от национальных рынков к интегрированному транснациональному рынку. Одним из способов усиления позиции университета на транснациональном и виртуальном (в последнее время активно расширяющимся) рынках происходит через использование принципа франчайзинга. В образовании франчайзинг – отражение бизнес-подхода к высшему образованию, когда головная структура создает новые филиалы или включает в свой состав существующие местные образовательные учреждения, которые заимствуют название головного университета. В дальнейшем местные менеджеры должны использовать бизнес-модель «издержки-прибыль» для увеличения прибыли и рыночной доли, путем расширения числа студентов и оптимизации расходов (более широкое использование преподавателей на неполную ставку или по краткосрочному контракту (*adjunct and contingent professors*); повышения платы за обучение и перенос расходов на обучение на студентов; увеличения размеров классов; сокращения контактов с преподавателями; общей де-профессионализации профессора и т.д.) (*Ansel, 2008*).

Этическим обоснованием данной модели служит идея об увеличении социальной справедливости через доступ к качественному высшему образованию, предоставляемого известным университетом, через возможность обучения у именитых профессоров, доступ к методическим разработкам и исследовательским базам.

Можно выделить несколько моделей франчайзинга в образовании, которые зачастую переплетаются и могут использоваться совместно:

- Программы «двойных степеней» с иностранными университетами;
- Модель сетевого магазина («модель старбакса») – основная идея заключается в создании широкой сети филиалов с максимальным охватом;
- «Покупка» факультетов или кампусов. Данная модель применяется ближневосточными монархиями для создания национальной образовательной системы – западные университеты открывают свои филиалы, спонсируемые местными правительствами.
- Виртуальный кампус – модель объединения физического окружения и онлайн-курсов.

Франчайзинг в образовании, как уже отмечалось ранее, служит примером сразу двух макротенденций: глобализации и изменения подхода к управлению и финансированию образования. Эти изменения описывает концепция нового менеджмента в общественном секторе (*Tahar and Boutellier, 2013*). Данная концепция объединяет несколько мегатрендов административной политики: снижение государственных расходов на общественный сектор и персонал; приватизацию или квази-приватизацию ключевых общественных институтов; информатизацию и автоматизацию распределения предоставляемых общественных услуг; господство международных управленческих практик и повестки дня вместо национального опыта (*Hood, 1991*).

С точки зрения теории сложности основной недостаток NPM заключается в том, что акторы выполняя поставленные показатели, адаптируются к ним, снижая общее качество предоставляемых населению услуг. Применительно к образованию одним из таких требований часто выступает усиление позиции в международных рейтингах университетов. Адаптируясь к показателям, используемым в рейтинге, искажается реальное состояние и потребности национальной науки и образования, вынуждая направлять ресурсы на достижение показателей, улучшающих рейтинг университета. Кроме того, в этих рейтингах непропорционально большой вес приписывается «большой науке», что ставит в невыгодные позиции университеты не специализирующиеся на крупных исследованиях. Итоговое ранжирование скорее говорит об уровне расходов на научно-исследовательские проекты в различных университетах, и эти показатели используются для решения более сложных проблем, связанных с определением того, действительно ли один университет в том или ином значимом смысле «лучше» какого-то другого (*Коллини, 2016*).

Подход, применяемый в NPM, часто критикуется, так как он переносит методы управления разработанные для бизнеса в сферы для этого не совсем подготовленные, такие как наука и образование (*Tahar and Boutellier, 2013; Ferlie, Musselin, and Andresani, 2008; Schubert, 2009*). В соответствии с NPM правительству следует сосредоточиться на определении глобальных качественных и количественных целей для исследовательской и преподавательской деятельности и предоставить общее финансирование. Университет приобретает оперативную автономию и возможность действовать в соответствии с собственной стратегией для достижения поставленных целей. Степень, в которой заданные цели были достигнуты, будет оценена, и результаты будут использоваться для принятия решений о распределении ресурсов (*Braun, 2001*). Эти меры приводят к усилению конкуренции как за финансирование, так и за студентов. Следовательно, успешные стратегический анализ и стратегический выбор могут стать ключевыми возможностями для университетов.

Это контрастирует со «старой» ситуацией, когда правительства с их постатейным финансированием были более активно вовлечены в работу университетов (*Schubert and Guoliang Yang, 2016*), и где университеты не совершали действий как полноценные субъекты, а характеризовались как слабосвязанные системы без какой-либо общей

стратегии. Согласно старой парадигме, существовало две параллельных организации: научная (управляемая учеными в виду двусмысленности и сложности исследовательской деятельности) и административная (устроенная по бюрократическим принципам и подчиненная научной) (Tahar and Boutellier, 2013). Таким образом, NPM направлен, прежде всего, на увеличение господства административной системы над научной.

В общей сложности 55 вузов Великобритании, которые существовали в 1994/95 г. (30 процентов от общего числа), участвовали в слияниях к 2009/10 г. В основном в форме поглощения небольших, специализированных, колледжей или школ более крупными университетами. Второй наиболее распространенный институциональный слияния связан с поглощением медицинской школы или колледжа университетом. Параллельно с этим проходил процесс смены названий университетов. Слияния – как в сфере высшего образования, так и в бизнесе – отражают либо убеждение в том, что объединенная организация будет сильнее и эффективнее, чем два предыдущих учреждения, либо признание того, что одна из организаций, как правило, младшая, больше не может продолжать успешно функционировать. Хотя в некоторых из упомянутых случаев это было причиной, в других случаях слияние было скорее политическим решением, убирающим местный институциональный ландшафт, полагаясь на убеждение, что меньшее количество более крупных единиц лучше администрируется (Tight, 2013).

В NPM существует три способа финансирования:

1) Финансирование на основе показателей (*Indicator-based funding*), которое использует predetermined, главным образом количественные показатели (ввод и / или выпуск) и формулы для определения распределения ресурсов.

2) Глобальное бюджетирование (*Global budgeting*), в котором используются показатели эффективности и качественные отчеты, позволяющие вести переговоры по целевым соглашениям и поддерживать решения о выделении специальных ресурсов. Организация самостоятельно определяет, на что потратить полученное финансирование.

3) Проектное финансирование (*Project funding*), основанное на экспертной оценке, приводящей к качественному суждению о проектах. Проекты находятся в конкуренции за средства. Только лучшие проекты финансируются. Проектное финансирование чаще выступает как вспомогательный способ финансирования.

Таким образом, в высшем образовании финансирование – ключевой способ управления. Согласно статистике Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) системы высшего образования различных государств можно разделить на три ключевых типа: частично частная, массовая государственная и элитарная (Ansel, 2008). Многие государства поддерживают систему элитарного образования из-за институциональных барьеров для изменений. В случае, когда образовательная система завершает трансформацию, остается выбор, какой тип финансирования будет превалировать – частный или государственный. В среднем по странам ОЭСР расходы на высшее образование на 70% государственные и на 30% частные (OECD, 2017, p. 193).

В постсоциалистических странах, начиная с 90-х гг., происходил переход от Наполеоновской и советской модели с разделением на университеты и исследовательские институты к университетам «Гумбольдтского» типа (Dobbins and Leišyte, 2014; Nebojša, 2015). Это происходило прежде всего по политическим мотивам: в Литве после обретения независимости в 1990 г. система высшего образования колебалась между координацией со стороны академических элит и спорадическим вмешательством государства. Основным легимитизирующим реформы поводом был уход от советской системы центрального планирования и бюджетирования к «прогрессивной западной модели» финансирования образования. Интересен пример Болгарии, которая испытала взрывной рост высшего образования (увеличение числа университетов с 5 до 40 в начале 90-х) и в 1995 г. была вынуждена вернуться к государственному регулированию, так как академическая среда, прикрываясь либеральными рассуждениями, уходила от

внешнего регулирования и осуществляла рентаориентированное поведение (*Dobbins and Leišyte, 2014*).

Позитивный пример институциональных изменений в сфере высшего образования демонстрирует Швеция. После Второй мировой войны потребность в массовом высшем образовании и академических исследований привела к структурной диверсификации национальной системы высшего образования: возникла система разделения труда между классическими старыми университетами и местными, более низкого уровня, образовательными учреждениями высшего образования.

В результате реформы в 1993 г. были предприняты усилия по децентрализации процесса принятия решений и увеличения институциональной автономии, основанных на управленческом и экономическом стимулировании – произошел переход к глобальному бюджетированию и проектному финансированию. Колледжи, не являющиеся университетами, стремились к развитию в полноразмерные университеты через эмуляцию практик существующих академических организаций. Некоторые достигли университетского статуса и возможности присваивать степени, во-первых, за счет сторонних грантов, а затем государственных исследовательских фондов (был создан фонд стратегических исследований Knowledge Foundation (KK-stiftelsen), целью которого было поддержать исследовательскую деятельность в неуниверситетских колледжах и укрепить их связь с промышленностью) (*Holmberg and Hallonsten, 2015*).

NPM представляет собой мощный инструмент для повышения эффективности системы государственного управления, но может находить только ограниченное применение в науке. NPM хороший инструмент там, где существуют сильные функциональные связи (зависимости) и где технологии определены. Наложение этих неакадемических моделей на университеты создает большую напряженность между научной работой и административной организацией (*Tahar and Boutellier, 2013*).

4. Объединение вузов: российский опыт реформ

Наряду с зарубежными университетами, процессы объединения и реорганизации распространились на российские вузы с последующими организационными и институциональными изменениями. Специфические черты и современные тенденции проведения реформ в сфере высшего образования широко обсуждаются в российском научном сообществе. Одним из механизмов оптимизации сферы российского высшего образования является вертикальная и горизонтальная интеграция через реорганизацию вузов в различных формах. Укрупненные в результате таких преобразований вузы за счет синергетического эффекта приобретают новые преимущества от масштаба (*Балкизова, 2017*). Инициативы проводимых реформ в сфере высшего образования выдвигаются на федеральном и на региональном уровнях. Региональное законодательство в сфере интеграции науки и образования наряду с воспроизводством соответствующих федеральных норм отражает правовые инициативы регионов и субъектов РФ (*Шерешева, 2017*).

Проблема заключается в том, что они носят фрагментарный характер и демонстрируют отсутствие единого комплексного подхода к решению ключевых проблем создания правовых механизмов интеграции науки и образования. Несмотря на добровольно-рекомендательный характер предложений о слиянии университетов, большинство из них косвенно продвигаются органами государственной власти (*Жуков, 2016*). Принципиальной особенностью создаваемых научно-образовательных центров, которые можно сравнить с холдинговыми формами в бизнесе, является сочетание его федерального уровня и отраслевой направленности, которое достигается путем максимального сближения производственных и образовательных целей и эффективного использования кадрового и научно-технического потенциала базового региона.

Анализируя историю объединения российских вузов, можно указать следующие ключевые факторы, общие для полной и частичной интеграции:

1. Низкие показатели качества российского высшего образования в контексте международных рейтингов университетов. Только 24 отечественных вуза вошли в 1000 лучших заведений².

2. Отставание программ специальностей вузов от потребностей регионального рынка труда. Открытие новых кафедр и новых бакалаврских академических и прикладных программ, а также новых направлений в магистратуре требует больших издержек от университетов. И в случае присоединения малого университета к более крупному, перед ним открывается возможность получить значительные финансовые и административные ресурсы (в том числе у опорных университетов лучший гудвилл), что ускоряет решение административных вопросов, связанных с интересами региональных органов власти.

3. Объединение университетов оказывает значительный эффект на конкурентную среду на национальном и региональном рынке образовательных услуг. Так решается проблема дублирования специальностей, по которым обучаются студенты. В частности, объединенный опорный вуз участвует в ценовой конкуренции по экономическим и юридическим специальностям и имеет более сильные позиции в неценовой конкуренции по своим направлениям профильной подготовки. Особое место в российском образовании занимают подведомственные вузы, имеющие «эксклюзивные специальности».

4. Появление укрупненных университетов в регионах помогает решить проблему утечки умов из провинции в столицу. Возвращаясь к рейтингу QS World University Rankings 2017/2018, стоит отметить, что среди 10 лучших вузов России 4 представляют не Московский регион.

5. Отрицательный демографический тренд. В 2011 г. в России обучалось 7,2 млн студентов, а в 2016 г. – 4,3 млн студентов³. Снижение конкурса абитуриентов отрицательно сказывается на качестве набора новых студентов, и, следовательно, университет вынужден адаптировать образовательные программы для выпуска на рынок труда специалистов надлежащего уровня подготовки, обладающих определенным набором компетенций.

Нами было проведено анкетирование 138 преподавателей и 250 студентов из государственных и частных вузов Ростовской области, данная выборка респондентов является целевой (неслучайной). Как показали результаты опроса студентов, новым ключевым инструментом борьбы за абитуриентов на образовательном пространстве региона служит инфраструктура, не связанная напрямую с образованием – жилищные условия, возможности для активной студенческой жизни, досуга, в том числе наличие баз отдыха. В результате укрупнения вузов данный сервис совершенствуется и благоприятно сказывается на бренде вуза для студентов нового поколения.

Анкетирование преподавателей выявило, что среди основных ожиданий от объединения вузов на первом месте (62%) – повышение заработной платы НПП, в то время как ожидания НПП об увеличении престижа объединенного вуза составили 44,5%. Более половины респондентов (53,3%) считают, что востребованность выпускников преобразованных вузов останется на прежнем уровне.

Стоит отметить, что разошлись мнения о динамике качества выпускников бакалавриата, специалитета и магистратуры, их знаний, компетенций, навыков: 28,5% респондентов считают, что качество вырастет, 32,1% – снизится и 39,4% – останется неизменным. Относительно академических свобод в объединенных вузах 48,2% респондентов считают, что они снизятся, 35,8% – останутся на прежнем уровне, 16,1% – вырастут.

Негативные ожидания от большинства респондентов выявлены в росте степени контроля со стороны руководства в управлении вузом (63,5%), снижении стабильности

² См.: QS World University Rankings 2017/2018 (<https://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2018>).

³ См.: Росстат (2016). Россия в цифрах. 2016: Крат. стат. сб. М.: Росстат-М., с.147.

работы в обновленных вузах и уверенности в «завтрашнем дне» (56,9%) и в преумножении количества «бумажной» работы с отчетами, программами, учебными комплексами, фондами оценочных средств (78,8%). Вместе с этим, анализируя влияние объединения вузов на экономику региона, 57,2% преподавателей считают, что не существует прямой зависимости между эффективностью экономики региона и объединением вузов.

Организационные механизмы объединения университетов как формы интеграции науки и образования можно разделить на 2 основные группы (рис. 2).

1. Полная интеграция – добровольное создание федеральных, опорных, отраслевых вузов. Пилотными проектами создания российских федеральных вузов стали Сибирский федеральный университет⁴ и Южный федеральный университет⁵ в конце 2006 г., на начало 2017 г. данный список состоит из 10 вузов.

Опорные университеты как специфическая российская модель слияния университетов должны способствовать концентрации интеллектуального потенциала и созданию научно-образовательных комплексов, нацеленных на экономическое и социальное развитие регионов (Михайлов и Владимирский, 2015).

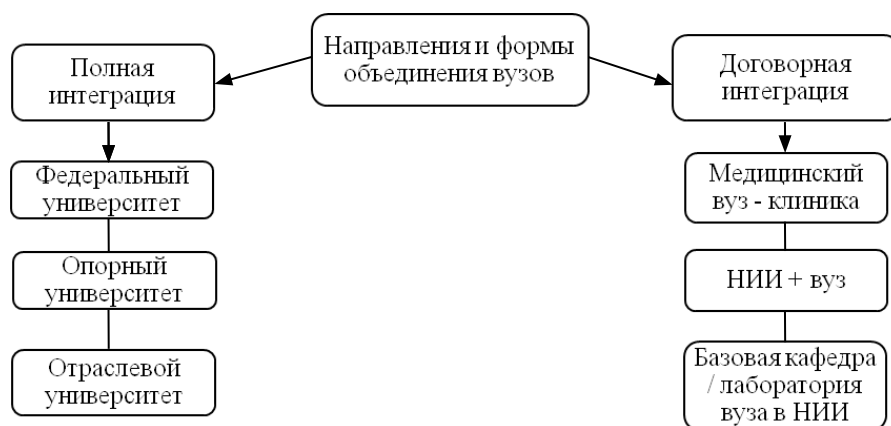

Рис. 2. Направления и формы объединения российских вузов

Источник: составлено авторами на основе анализа научной литературы

2. Частичная (договорная) интеграция имеет договорный характер и не предполагает непосредственное поглощение одного субъекта другим. Эта форма также является добровольной, но у нее есть особенность, связанная с масштабом объединений и формой партнерских отношений между сторонами объединений.

Н.В. Дрантусова и Е.А. Князев выделяют 4 модели реформируемых вузов, исходя из их миссии для экономики региона и страны (Дрантусова и Князев, 2012):

- университет-исследователь (НИУ ВШЭ и другие заведения с федеральной миссией обеспечения высокой конкурентоспособности на мировом рынке образовательных услуг);
- университет – системный интегратор (все федеральные вузы, выполняющие социально-экономическую миссию для развития федеральных округов);
- университет – региональный интегратор (к данной группе можно отнести опорные вузы, включая ДГТУ, ориентированные на удовлетворение кадровых и отраслевых потребностей субъектов РФ);
- университет – кадровый конструктор (стадия развития в основном местных технических вузов, направленная на локальный рынок труда, например, на

⁴ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 04.11.2006 г. № 1518-р – Министерство образования и науки Российской Федерации.

⁵ См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23.11.2006 г. № 1616-р – Министерство образования и науки Российской Федерации.

подготовку специалистов исходя из актуальных потребностей градообразующих предприятий).

Объектами организационных и институциональных изменений при объединении вузов являются два основных блока:

1) **Организационная структура** и менеджмент объединенного университета. Явные изменения охватывают выбор федеративной или унитарной системы; кадровые изменения; распределение полномочий, финансирования, наград и званий; структуру факультетов, департаментов, филиалов; развитие инфраструктуры; маркетинговую стратегию и т.д. Кроме того, отдельное внимание реформ отводится организации образовательного и научного процесса (объединение дублирующих друг друга программ, появление новых образовательных и исследовательских направлений, появление междисциплинарных проектов, изменение академических показателей университета). Под государственным влиянием происходят кардинальные преобразования в организационной структуре объединенных вузов, охватывающие распределение бюджетных и контрактных мест, введение пороговых балльных ограничений для поступающих абитуриентов, систему оценки эффективности деятельности вуза в целом и его преподавателей в отдельности.

Как отмечает Л.А. Ильина, неизбежны социальные издержки, сопутствующие любым интеграционным процессам, что в первую очередь затрагивает НПП пенсионного возраста, которые имея за плечами длительный преподавательский стаж работы, в силу определенных обстоятельств не имеют ученых степеней (Ильина, 2014).

Анализируя трансформационные институциональные процессы, проводимые в сфере высшего образования, следует признать одним из значимых механизмов ее системной модернизации формирование учебных заведений нового типа на основе существенных многоаспектных изменений, обусловленных модификацией национальной и региональной инновационных систем (Мальцева, 2012).

2) В **корпоративной культуре** университета реализуются неявные институциональные и организационные изменения (университетская культура и традиции, тревоги и опасения при слиянии, конфликты после слияния, идентичность с прежними вузами, восприятие другого вуза как «захватчика», «конкурента» или «того, кто тянет вниз», увлеченность миссией нового университета). Как отмечает М.В. Курбатова, творческое соревнование в научно-образовательном процессе между преподавателями переходит в конкуренцию, базирующуюся на квазирыночных основаниях. «Рыночная конкуренция разворачивается как борьба за рабочее место в элитных вузах» (Курбатова, 2015a). «Фактически место вуза как сообщества преподавателей, выстраивающих эту организацию, выбирающих и контролирующих деятельность администрации, постепенно заменяет вуз как клиентоориентированная организация, производящая образовательные услуги и нанимающая преподавателей на рынке труда» (Курбатова, 2015b), что отражается на механизме функционирования университета, который частично смещает акцент с творческой иерархической организации к корпоративному университету.

Объединение вузов по российской модели полной и частичной интеграции сопровождается увеличением трансакционных издержек, в частности это наиболее проявляется в вузах, ставших филиалами более крупных университетов в результате поглощения. Кроме того, реорганизация российских вузов приводит к тому, что вместо активного творческого участия в «производстве инноваций» НПП вынуждены тратить силы на работу с документами и непрерывную отчетность о своей работе.

5. Несколько заключительных замечаний

Процессы институциональных изменений в сфере высшего образования сопряжены с политикой, проводимой в целом в общественном секторе. Значительное влияние на проведение реформ оказали теории и идеология неоллиберализма. Исходя из

неолиберальных принципов, университетское образование должно все больше приобретать рыночно-ориентированный характер, что в конечном итоге должно сопровождаться сокращением государственного финансирования.

Реорганизация вузов путем объединения не только характерна для российской практики, но и является распространенной в мировом опыте осуществления реформ. Однако процессы интеграции в сфере высшего образования имеют значительную институциональную специфику, которая определяется историческими, экономическими и культурными особенностями как национальными, так и региональными. В рамках институционального анализа этих изменений важно идентифицировать релевантные институты, действующие нормы и ценности.

Объединение вузов также связано с выполнением целевых показателей, которые определяются государственной политикой в сфере образования. Исходя из российской специфики расходования бюджетных средств, часто имплицитно подразумевается, что если жестко не устанавливать целевые показатели и не менее строго контролировать их исполнение, то значительная часть средств будет использована неэффективно или просто будет украдена через коррупционные схемы. И здесь возникает дилемма неэффективности – отсутствие надежных рыночных индикаторов вынуждает использовать различные формы рациионирования, которые очень часто не могут дать удовлетворительных результатов (Тамбовцев, 2015а), исходя из организационного и институционального контекстов, зависящих от исторических, политических и культурных аспектов формирования институциональной среды национального хозяйственного порядка. Поэтому достижение эффективных показателей развития высшего образования может быть рассмотрено в контексте провалов регулирования, возникающих, с одной стороны, в результате несовершенства информации, а с другой – игнорирования эволюционно сложившихся неформальных институтов и механизмов саморегулирования в университетском сообществе, что приводит к ограничению академических свобод и эрозии фундаментальных социальных ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Балкизова Х. Ю. (2017). Процессы реорганизации в современной системе образования // *Вестник университета (Государственный университет управления)*, № 4, с. 156–161.

Вольчик В. В. (2012). Эволюционный подход к анализу институциональных изменений // *Terra Economicus*, т. 10, № 4, с. 62–69.

Вольчик В. В. и Кривошеева-Медянцева Д. Д. (2015). Исследование институциональной структуры сферы образования: основные концепты и теоретические рамки // *Terra Economicus*, т. 13, № 2, с. 131–142.

Головко Н. В., Дегтярева В. В. и Мадюкова С. А. (2014). Предпринимательский университет и теория тройной спирали // *Высшее Образование в России*, № 8–9, с. 46–53.

Жуков В. И. (2016). Информационная среда современной цивилизации и «опорные вузы России»: векторы развития // *Теории и проблемы политических исследований*, № 2, с. 77–88.

Ильина Л. А. (2014). Проблемы и цели развития системы образования Самарской области в контексте целей развития тысячелетия в России // *Модернизация экономики и управления: сб. тр. II Межд. научно-практ. конф. Ставрополь. Издательство: Ставролит*, с. 143–146.

Институциональные изменения в социальной сфере российских регионов: Коллективная монография (2017) / Под ред. д. э. н. М. Ю. Шерешевой. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, с. 147. (<https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=38052&p=attachment>).

Князев Е. А. и Дрантусова Н. В. (2012). Дифференциация в высшем образовании: основные концепции и подходы к изучению // *Университетское управление: практика и анализ*, № 5, с. 43–52.

- Коллини С.* (2016). Зачем нужны университеты. М.: ВШЭ.
- Коммонс Дж.* (2011). Правовые основания капитализма. М.: Изд. дом высшей школы экономики.
- Коммонс Дж.* (2012). Институциональная экономика // *Terra Economicus*, т. 10, № 3, с. 69–76.
- Коуз Р.* (2007). Природа фирмы / Фирма, рынок и право. М.: Новое издательство, с. 36–57.
- Курбатова М. В. и Донова И. В.* (2015). Эффекты внешнего контроля деятельности преподавателей российских вузов // *Вестник Омского университета. Серия «Экономика»*, № 2, с. 17–27.
- Курбатова М. В., Каган Е. С. и Апарина Н. Ф.* (2015). Поведение работников вузов в условиях реформирования высшего профессионального образования: проблема выбора // *Социологические исследования*, № 2, с. 123–134.
- Макферсон М. и Шапиро М.* (2011). Проблемы контрактов постоянного найма в высшем образовании. Контракты в академическом мире / Под ред. М.М. Юдкевич. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, с. 31–56.
- Мальцева А. А.* (2012). Институциональные преобразования системы образования в инновационной среде // Разработка механизмов объединения учреждений высшего профессионального образования: Сборник материалов «круглого стола» 5 октября 2011 г. М.: Финансовый университет, с. 37–38.
- Михайлов Н. Н. и Владимирский Б. М.* (2015). Формирование образовательной политики вуза и ее реализации в современных условиях // *Высшее образование в России*, № 5, с. 20–26.
- Стэндинг Г.* (2014). Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс.
- Тамбовцев В. Л.* (2015а). Социальная политика: нерешенная задача научного обоснования // *Общественные науки и современность*, № 6, с. 5–13.
- Тамбовцев В. Л.* (2015б). О научных основаниях реформ в сфере высшего образования // *Вестник Омского университета. Серия «Экономика»*, № 2, с. 66–70.
- Хедлунд С.* (2015). Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала. М.: ГУ ВШЭ.
- Ansel, B. W.* (2008). University Challenges: Explaining Institutional Change in Higher Education // *World Politics*, 60(2), 189–230.
- Clark, B. R.* (1998). Creating Entrepreneurial Universities: Organizational Pathways of Transformation. Issues in Higher Education. ERIC. Retrieved from (<http://eric.ed.gov/?id=ED421938>).
- Dobbins, M. and Leišyte, L.* (2014). Analysing the Transformation of Higher Education Governance in Bulgaria and Lithuania // *Public Management Review*, 16(7), 987–1010.
- Elsner, W.* (2012). The Theory of Institutional Change Revisited: The Institutional Dichotomy, Its Dynamic, and Its Policy Implications in a More Formal Analysis // *Journal of Economic Issues*, 0(1), 1–44. (<https://doi.org/10.2753/JEI0021-3624460101>).
- Ferlie E., Musselin, C. and Andresani, G.* (2008). The steering of higher education systems: A public management perspective // *Higher education*, 56(3), 325.
- Hodgson, G. M.* (2006). What Are Institutions? // *Journal of Economic Issues*, 40(1), 1–25. (<https://doi.org/10.1080/00213624.2006.11506879>).
- Holmberg, D. and Hallonsten, O.* (2015). Policy reform and academic drift: research mission and institutional legitimacy in the development of the Swedish higher education system 1977–2012 // *European Journal of Higher Education*, 5(2), 181–196.
- Hood, C.* (1991). A public management for all seasons? // *Public administration*, 69(1), 3–19.
- Loomis, S. and Rodriguez, J.* (2009). Institutional Change and Higher Education // *Higher Education*, 58(4), 475–489.

Nebojša, J. (2015). The Reactions of Universities to Imposing New a Institutional Pattern: The Case of Higher Education in Serbia // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 174(1), 1550–1559.

OECD (2017). Education at a glance 2017: OECD indicators, OECD Publishing, Paris.

Peacock, V. (2016). Academic precarity as hierarchical dependence in the Max Planck Society // *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 6(1), 95–119.

Richter, R. (2016). Whither “New Institutional Economics”? // *European Business Organization Law Review*, 17(4), 541–554. (<https://doi.org/10.1007/s40804-016-0057-8>).

Schubert, T. (2009). Empirical observations on New Public Management to increase efficiency in public research – Boon or bane? // *Research Policy*, 38(8), 1225–1234.

Schubert, T. and *Guoliang, Yang* (2016). Institutional change and the optimal size of universities // *Scientometrics*, 108(3), 1129–1153.

Tahar, S. and *Boutellier, R.* (2013). Resource Allocation in Higher Education in The Context of New Public Management // *Public Management Review*, 15(5), 687–711.

Tight, M. (2013). Institutional churn: Institutional change in United Kingdom higher education // *Journal of Higher Education Policy and Management*, 35(1), 11–20.

Valentinov, V. (2011). The Meaning of Nonprofit Organization: Insights from Classical Institutionalism // *Journal of Economic Issues*, 0(4), 901–916. (<https://doi.org/10.2753/JEI0021-3624450408>).

Valentinov, V. (2015). Kenneth Boulding’s Theories of Evolutionary Economics and Organizational Change: A Reconstruction // *Journal of Economic Issues*, 49(1), 71–88. (<https://doi.org/10.1080/00213624.2015.1013880>).

Williamson, O. E. (2005). The Economics of Governance // *American Economic Review*, 95(2), 1–18. (<https://doi.org/10.1257/000282805774669880>).

REFERENCES

Ansel, B. W. (2008). University Challenges: Explaining Institutional Change in Higher Education. *World Politics*, 60(2), 189–230.

Balkizova, K. (2017). The Process of Reorganization in the Modern Education System. *Vestnik Universiteta*, 4, 156–161. (In Russian).

Clark, B. R. (1998). Creating Entrepreneurial Universities: Organizational Pathways of Transformation. Issues in Higher Education. ERIC. Retrieved from (<http://eric.ed.gov/?id=ED421938>).

Collini, S. (2016). What Are Universities For? M.: HSE. (In Russian).

Commons, J. R. (2011). Legal Foundations of Capitalism. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 416 p. (In Russian).

Commons, J. R. (2012). Institutional Economics. *Terra Economicus*, 10(3), 69–76. (In Russian).

Coase, R. (2007). Nature of the firm / Firm, market and law. M., New publishing house, 36–57. (In Russian).

Dobbins, M. and *Leišyte, L.* (2014). Analysing the Transformation of Higher Education Governance in Bulgaria and Lithuania. *Public Management Review*, 16(7), 987–1010.

Elsner, W. (2012). The Theory of Institutional Change Revisited: The Institutional Dichotomy, It’s Dynamic, and Its Policy Implications in a More Formal Analysis. *Journal of Economic Issues*, 0(1), 1–44. (<https://doi.org/10.2753/JEI0021-3624460101>).

Ferlie, E., Musselin, C. and *Andresani, G.* (2008). The steering of higher education systems: A public management perspective. *Higher education*, 56(3), 325.

Golovko N. V., Degtyareva, V. V. and *Madyukova, S. A.* (2014). Entrepreneurial University and the Triple Helix Theory. *Vysshee Obrazovanie v Rossii (Higher Education in Russia)*, 8–9, 46–53. (In Russian).

Hedlund, C. (2015). *Invisible Hands, Russian Experience, and Social Science: Approaches to Understanding Systemic Failure*. M., Publishing House of the Higher School of Economics. (In Russian).

Hodgson, G. M. (2006). What Are Institutions? *Journal of Economic Issues*, 40(1), 1–25. (<https://doi.org/10.1080/00213624.2006.11506879>).

Holmberg, D. and Hallonsten, O. (2015). Policy reform and academic drift: research mission and institutional legitimacy in the development of the Swedish higher education system 1977–2012. *European Journal of Higher Education*, 5(2), 181–196.

Hood, C. (1991). A public management for all seasons? *Public administration*, 69(1), 3–19.

I'l'ina, L. A. (2014). Problems and objectives of the development of the Samara region's education system in the context of the Millennium Development Goals in Russia. Modernization of economy and management. Stavropol, Stavrolit Publ., 143–146. (In Russian).

Institutional changes in the social sphere of Russian regions: Collective monograph (2017). M.: Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, 147. (<https://www.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=38052&p=attachment>). (In Russian).

Knyazev, E. A. and Drantusova, N. V. (2012). Differentiation in Higher Education: the Main Concepts and Approach to Study. *Journal University Management: Practice and Analysis*, 5, 43–52. (In Russian).

Kurbatova, M. V. and Donova, I. V. (2015). Effects of the external control of lecturers' activities of the Russian universities. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2, 17–27. (In Russian).

Kurbatova, M. V., Kagan, E. S. and Aparina, N. F. (2015). Behavior of university employees during higher education reformations: an issue of choice. *Sociological Studies*, 2(370), 123–134. (In Russian).

Loomis, S. and Rodriguez, J. (2009). Institutional Change and Higher Education. *Higher Education*, 58(4), 475–489.

MacPherson, M. and Shapiro, M. (2011). Problems of permanent employment contracts in higher education. *Contracts in the academic world* / ed. M. M. Yudkevich. M., Publishing House of the Higher School of Economics, 31–56.

Maltseva, A. A. (2012). Institutional transformation of the education system in an innovative environment / Development of mechanisms for combining institutions of higher professional education: Collection of materials of the "round table" October 5, 2011. M., Financial University, 37–38. (In Russian).

Mikhailov, N. N. и Vlamirskiy, B. M. (2015). Development and Implementation of Modern Education Policu of Higher Education Institution. *Vysshee Obrazovanie v Rossii (Higher Education in Russia)*, 5, 20–26. (In Russian).

Nebojša, J. (2015). The Reactions of Universities to Imposing New a Institutional Pattern: The Case of Higher Education in Serbia. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, 174(1), 1550–1559.

OECD (2017). *Education at a glance 2017: OECD indicators*, OECD Publishing, Paris.

Peacock, V. (2016). Academic precarity as hierarchical dependence in the Max Planck Society. *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 6(1), 95–119.

Richter, R. (2016). Whither "New Institutional Economics"? *European Business Organization Law Review*, 17(4), 541–554. (<https://doi.org/10.1007/s40804-016-0057-8>).

Schubert, T. (2009). Empirical observations on New Public Management to increase efficiency in public research – Boon or bane? *Research Policy*, 38(8), 1225–1234.

Schubert, T. and Guoliang, Yang (2016). Institutional change and the optimal size of universities // *Scientometrics*, 108(3), 1129–53.

Standing, G. (2014). *The Precariat: the New Dangerous Class*. M., Ad Marginem Press. (In Russian).

Tahar, S. and Boutellier, R. (2013). Resource Allocation in Higher Education in The Context of New Public Management. *Public Management Review*, 15(5), 687–711.

Tambovtsev, V. L. (2015a). Social Policy: Scientific Justification' Unresolved Problem. *Social Sciences and Contemporary World*, 6, 5–13. (In Russian).

Tambovtsev, V. L. (2015b). The scientific basis for the higher education reforms. *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, 2, 66–70. (In Russian).

Tight, M. (2013). Institutional churn: Institutional change in United Kingdom higher education. *Journal of Higher Education Policy and Management*, 35(1), 11–20.

Valentinov, V. (2011). The Meaning of Nonprofit Organization: Insights from Classical Institutionalism. *Journal of Economic Issues*, 0(4), 901–916. (<https://doi.org/10.2753/JEI0021-3624450408>).

Valentinov, V. (2015). Kenneth Boulding's Theories of Evolutionary Economics and Organizational Change: A Reconstruction. *Journal of Economic Issues*, 49(1), 71–88. (<https://doi.org/10.1080/00213624.2015.1013880>).

Volchik, V. V. (2012). Evolutionary approach to the analysis of institutional change. *Terra Economicus*, 10(4), 62–69. (In Russian).

Volchik, V. V. and Krivosheeva-Medyantseva, D. D. (2015). Institutional structure of higher education in Russia: principal concepts and theoretical frameworks. *Terra Economicus*, 13(2), 131–142. (In Russian).

Williamson, O. E. (2005). The Economics of Governance. *American Economic Review*, 95(2), 1–18. (<https://doi.org/10.1257/000282805774669880>).

Zhukov, V. I. (2016). Information environment of modern civilization and "backing Russian universities": development vectors. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*, 2, 77–88. (In Russian).